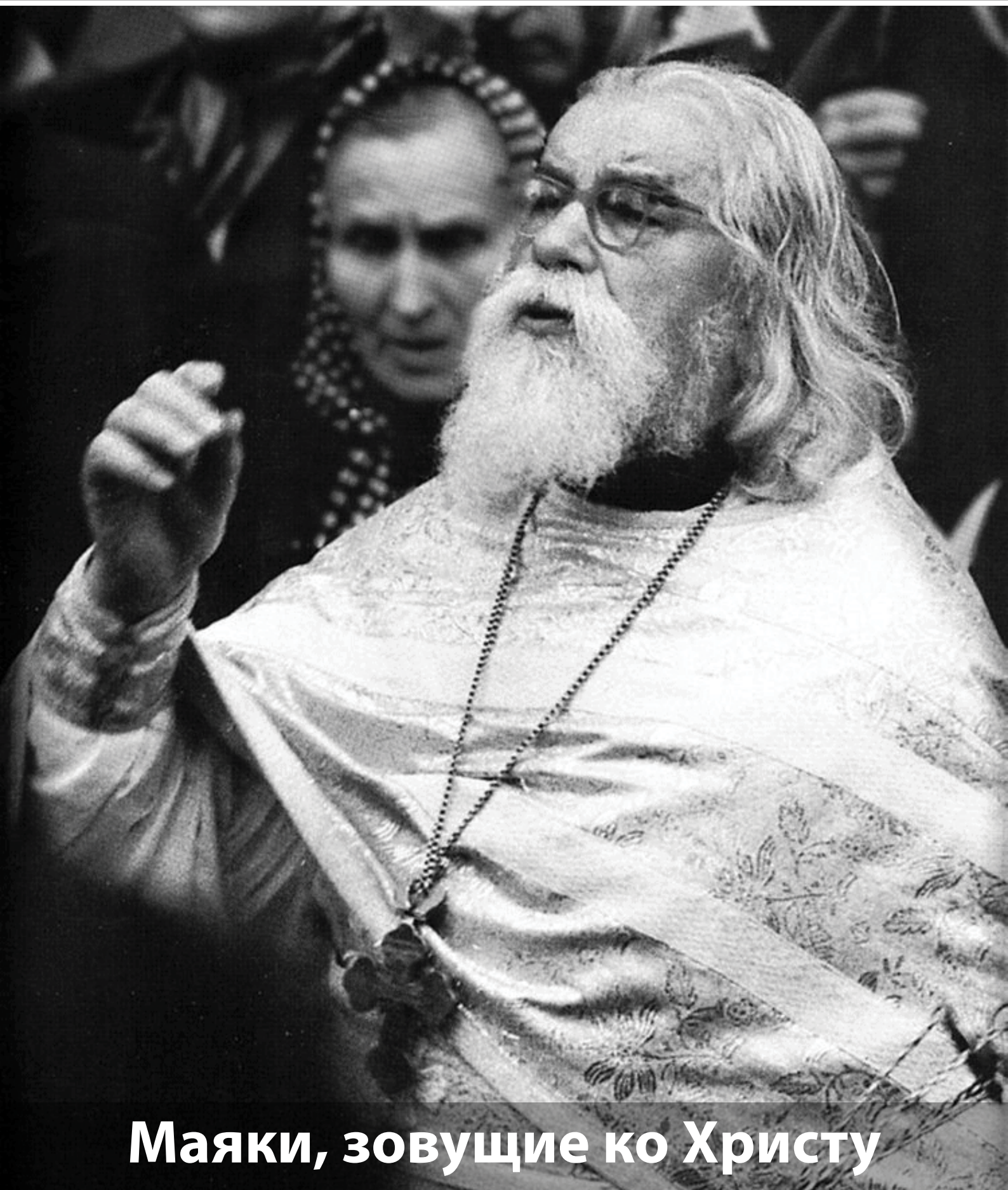

ОБРАЗ И ПОДОБИЕ

№ 2 (79) июнь-декабрь 2025

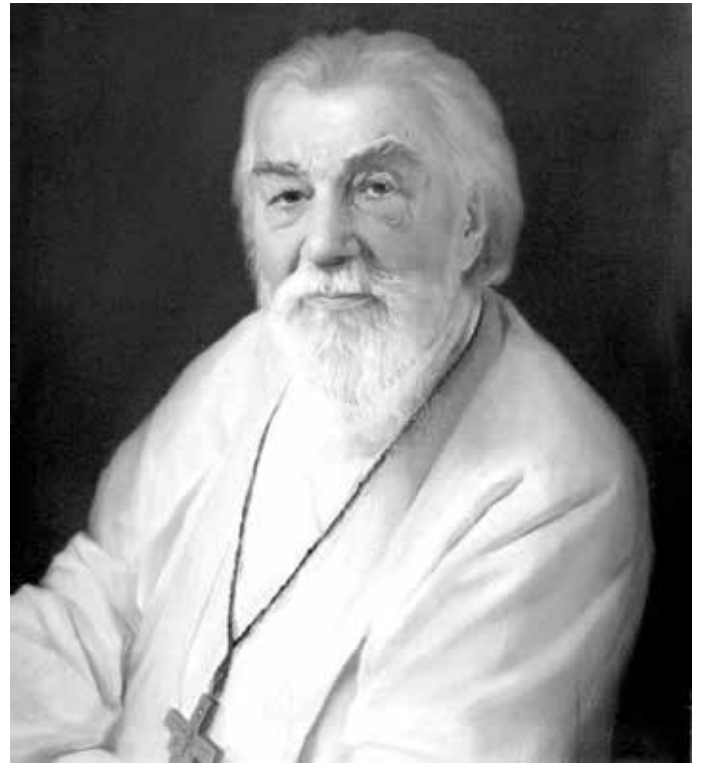
ГАЗЕТА О ПРАВОСЛАВНОЙ ЖИЗНИ

Маяки, зовущие ко Христу

Этот выпуск газеты «Образ и подобие» посвящен выдающимся подвижникам веры XX века, старцам и духовникам нашей современной России. Почти все они прошли суровые испытания: ссылки, тюрьмы или годы Великой Отечественной войны, но страдания не сломили их, а даровали им совсем другое духовное состояние - радость о Господе. Сила этих подвижников заключалась в их истинной, живой, деятельной вере в Господа нашего Иисуса Христа. От глубины этой веры и исходили все их благодатные дарования.

По воспоминаниям тех людей, кто общался с современными старцами и духовниками, они всегда излучали добро и любовь, и при общении с ними чувствовалась благодать Божия и тот особый свет, который от них исходил. Пусть пример жизни каждого из них вдохновит нас на исправление своей жизни, наставит на путь добра и Любви, ведь все они - маяки, зовущие ко Христу.

Иоанн Крестьянкин родился 29 марта (11 апреля по новому стилю) 1910 года. Он был восьмым и последним ребенком в семье орловских мещан Михаила Дмитриевича и Елизаветы Илларионовны Крестьянковых. Родился он в день преподобного Иоанна Пустынника и получил при крещении имя этого святого. В детстве Ваня не отличался крепким здоровьем, и его мать много молилась о сыне, обещая даже посвятить дитя Богу.

Отец, Михаил Дми-

триевич, рано умер, и Елизавета Илларионовна одна содержала и воспитывала многодетную семью. Женщиной она была глубоко верующей и, конечно, именно благодаря ей в еще тогда маленьком Ване прочно укоренилась Православная вера. Елизавета Илларионовна была очень гостеприимной и радушной хозяйкой, любила всех угощать и передавать гостинцы многочисленным знакомым. Наверное, именно от неё отец Иоанн перенял привычку одаривать всех, кого даже

мало-мальски знал. Очень тепло и благоговейно вспоминал отец Иоанн свою мамушку, для него она была эталоном матери-христианки. Уберегая детей от всего плохого, отдавая все лучшее своим чадам, она бесконечно их любила, и эта любовь отзывалась в сердцах детей и проявлялась в них к каждому живому су-

ществу.

Конечно, с самого рождения Ванечка был в церкви, он очень любил службы, заслушивался песнопениями и молитвами. В 6 лет мальчик стал пономарем. Он помогал священнику служить молебны, пел и читал, всей душой впитывая впечатления от богослужения. Еще в отрочестве Ваню стало влечь монашество. Многие монахины были частыми гостями в их доме (двоюродная сестра мамы была монахиней Введенского женского монастыря).

В 12 лет Ваня Крестьянкин в первый раз высказал свою сокровенную мечту быть монахом и попросил на это благословение у Елецкого епископа Николая (Никольского), мученика и исповедника. Положив руку на голову мальчика, епископ помолчал, вглядываясь в его будущее, и серьезно сказал: «Сначала окончишь школу, поработаешь, потом примешь сан и послужишь, а в

свое время непременно будешь монахом». Так все и определилось.

После 1917 года для всех наступили сложные времена, особенной тревогой были наполнены сердца верующих. В это время Ваня учился в школе, но обучение часто и надолго прерывалось из-за обстановки в стране, в 1921 году школа закрылась совсем. Вместо занятий Ваня служил пономарем в Ильинской церкви. Возобновив учебу в 1925 году, когда вновь открылась школа, он поступил сразу в седьмой класс.

В 1923 году в жизни Ивана состоялась встреча, которая стала особенной вехой в его жизни. Староста Ильинской церкви Петр Семенович Антошин пригласил Ваню поехать в Москву. Москва со своими святынями произвела на тринадцатилетнего мальчика глубокое впечатление. Но больше всего запомнилась встреча в Донском монастыре со Святейшим

Ваня Крестьянкин. Орел. 1920 г.

Патриархом Тихоном и благословение, от него полученное. Батюшка уже в старости говорил, что до сих пор чувствует ладонь святого Патриарха на своей голове.

После окончания школы Иван поступил и окончил бухгалтерские курсы, устроился на работу. Но поработать пришлось недолго. Частые авралы на работе сбивали все порядки жизни, почти не оставалось возможности посещать богослужения. Молодой человек высказал свое недовольство относительно сверхурочной работы, на что начальство разразилось гневом, и наутро был вывешен приказ о его увольнении.

Оставшись без работы, Иван задумался: «Что делать дальше?» Все попытки устроиться на работу в родном городе успехом не увенчались, Иван Крестьянкин попал в число неблагонадежных. Тогда он вспомнил о Москве, и старица Вера Логинова благословила его на поездку в столицу.

В Москве Иван Крестьянкин стал жить в Большом Козихинском переулке, снимая угол у пожилой женщины Анастасии Васильевны. Работать устроился главным бухгалтером на небольшом предприятии. Даже будучи начальником, он не гнушался никакой работы и помогал своим подчиненным.

Вскоре Иван вошёл в круг православных молодых людей, обсуждал с ними вопросы духовной жизни, и эта дружба ещё больше укрепила его в намерении идти по духовному пути. Близилась война. По состоянию здоровья

Ивана не взяли в армию, и он остался работать в Москве. 20 июня 1944 года Иван Михайлович Крестьянкин был освобожден от гражданской службы. В тот же год, под праздник Казанской Божией Матери, его назначили псаломщиком в храм Рождества Христова в Измайлове. А на вечерней службе того же дня в селе Коломенском митрополит Николай (Ярушевич) ввел нового псаломщика в алтарь и благословил его на служение Матери-Церкви.

Спустя всего полгода псаломщика Ивана вызвали к митрополиту, - оказалось, что настоятель прихода Михаил Преферансов написал прошение рукоположить его в дьяконы. 14 января 1945 года, в день памяти Василия Великого, в храме Воскресения Христова на Ваганьковском кладбище митрополит Николай (Ярушевич) рукоположил безбрачного Иоанна Крестьянкина во дьяконы, худенького юношу с копной густых выющихся волос. Девять месяцев служил отец Иоанн Крестьянкин дьяконом, дозревая до принятия ответственного священнического сана.

7 октября 1945 года дьякон Иоанн Крестьянкин сдал на «отлично» экстерном экзамены за курс духовной семинарии в Новодевичьем монастыре. А 25 октября того же года, на праздник Иерусалимской иконы Божией Матери Патриархом Алексием I (Симанским) дьякон Иоанн был рукоположен в сан священника в Измайловском Христорождественском храме в Москве, где и остался служить.

Молодой священник Измайловского храма очень полюбился прихожанам, которые после войны в большом количестве стали приходить в церковь. Отец Иоанн с раннего утра и до поздней ночи был на ногах: вел службы, готовил и читал проповеди, принимал требы и ходил по домам прихожан, крестил, венчал, отпевал... Словом, целиком и полностью отдавал себя на служение Богу и людям. В то время жилось скудно, но все имеющиеся деньги батюшка отдавал нуждающимся, а сам жил впроголодь, donating старую одежду и обувь.

В 1946 году Церкви возвратили Успенский собор и несколько жилых помещений Троице-Сергиевой лавры, стала восстанавливаться монашеская жизнь. На пасхальной седмице отца Иоанна отправили в Лавру и поручили ему заведовать ризницей. Батюшка был счастлив, ему казалось, что он совсем близок к своей мечте – к монашеству. К тому же архимандрит Гурий заметил деятельного ризничего и подумывал сделать его первым постриженником вновь открывшейся Лавры. Но Господь решил иначе...

Через полгода, на праздник Успения Матери Божией, отец Иоанн был отозван из Лавры в

В первые годы служения

свой храм. Эта перемена стала для него тяжелым испытанием, но вера в Промысел Божий, которая всегда была с отцом Иоанном, помогла ему смириться и подчиниться воле Божьей. И тут неожиданно пришло утешение: священника благословили учиться в Московской Духовной Академии.

В 1947 году началась учеба, в академии он познакомился со своими верными друзьями-единомышленниками, с которыми поддерживал потом связь всю жизнь: Константин Нечаев (будущий митрополит Питирим), Анатолий Мельников (будущий митрополит Антоний), Павел Голубцов (будущий архиепископ Сергий), иерей Сергей Орлов.

Знаменательным событием в жизни отца Иоанна стала Пасха 1949 года. Батюшка долго думал, как донести до всех людей, в том числе еще далеких от

Иван Михайлович Крестьянкин. Из материалов дела

Церкви, радость Великой Пасхальной ночи. Он решил сопроводить пасхальный ход иллюминацией. Вчерашние солдаты-пиротехники приложили к этому все усилия и мастерство, и вот прямо под Крестный ход на небе появилось светящееся изображение Спасителя в полный рост.

Конечно, люди были в восторге, но такое действо не осталось незамеченным властями, которые сразу же стали проявлять особый интерес к молодому священнику. Вокруг батюшки появились «нужные» люди, стали записываться на магнитную ленту разговоры с близкими по духу людьми, и в ночь с 29 на 30 апреля в комнате Ивана Михайловича Крестьянкина произошел обыск, после чего его забрали на Лубянку. На допросах отец Иоанн был сдержан, принимая свою судьбу без ропота и надеясь на Бога. Донос на батюшку написали трое: настоятель московского храма, где служил отец Иоанн, регент того же храма и протодьякон. Год в стенах Лубянки. Допросы, пытки, издевательства. Во время этих

допросов следователь, ровесник отца Иоанна, переломал ему все пальцы...

Тот же следователь устроил отцу Иоанну очную ставку с настоятелем, донесшим на него. Батюшка знал о доносе. Вошедшего иуду отец Иоанн с искренней радостью обнял. Тот потерял сознание...

7 лет лагерей. Годы скорбей и страданий. Батюшка же говорил, что это были самые счастливые годы его жизни: «Потому что Бог был рядом! Почему-то не помню ничего плохого. Только помню: небо отверсто и Ангелы поют в небесах! Сейчас такой молитвы у меня нет...».

Сначала Батюшку отправили на тяжелую работу, на лесоповал, затем из-за физического состояния перевели на другую - в цех по дезинфекции одежды. Весной 1953 года отца Иоанна по состоянию здоровья отправили в отделение лагеря под Самарой. Здесь жизнь немного преобразилась: батюшка стал работать бухгалтером, его изредка навещали духовные чада, передавая главное утешение – Святые Дары.

После досрочного

освобождения, состоявшегося в 1955 году, отец Иоанн был направлен в Псковскую епархию, а через непродолжительное время (в 1957 году) – в Рязанскую. За этот период он сменил несколько приходов. Это было вызвано косностью и неприязненным отношением к нему со стороны местных властей.

10 июня 1966 года отец Иоанн принял монашество, в 1967 году поступил в братство Псково-Печерской обители. В 1970 году он был возведен в сан игумена, а через три года, в 1973-м, – в сан архимандрита.

Помимо традиционных обязанностей, связанных с саном и должностью, отец Иоанн много времени уделял встречам и беседам с людьми, нуждавшимися в его наставлениях, молитвах, благословениях. Желавших встретиться с батюшкой было так много, что приём посетителей, начинавшийся после Божественной литургии, длился до позднего вечера, с небольшими перерывами на трапезу, а иногда продолжался и после полуночи.

Существенная часть

богомольцев, искавших с ним личных встреч, почитали его как облагодатствованного, духоносного старца. И это не удивительно, ведь помимо многочисленных добродетелей отец Иоанн обладал духовною мудростью и, как отмечают, даром прозорливости. Между тем сам отец Иоанн, по смирению сердца, относился к себе более, чем критично.

К концу жизни, из-за слабости здоровья, отчасти подорванного во время заключения, отец Иоанн уже не мог принимать всех желавших общения с ним также активно, как раньше. Но со многими его связывала переписка, в своей феноменальной памяти батюшка сохранил имена тех, кто к нему обращался и молился о них.

5 февраля 2006 года отец Иоанн, причастившись святых Христовых Тайн, почил о Господе. Ему было 95 лет. Прощаясь, старцу отдали подобающие почести. На отпевании присутствовали архиереи, десятки священников и простых богомольцев, духовные чада почившего. Тело подвижника было погребено в священных пещерах.

Архимандрит Кирилл (Павлов) (1919-2017) родился 8 октября 1919 года в деревне Маковские Выселки Михайловского района Рязанской области в семье крестьянина. Отец Кирилл вспоминал о себе, что он вырос в крестьянской семье, родители были верующие, но с 12 лет жил в неверующей среде, у брата. Происшедшая перемена в семье была вызвана наступившим сиротством: воспитывала мальчика бабушка.

В одной из своих проповедей, вспоминая великое событие Богоявления, отец Кирилл сказал: «Все совершающееся в жизни Иисуса Христа должно служить для всей христианской Церкви законом и образцом деятельности, единственным путем, ведущим в Царство Отца Небесного, ибо Господь сказал: Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня (Ин. 14:6)». Эти слова стали путеводной звездой самого отца Кирилла, для которого Христос и Евангелие были самым главным в его жизни.

Понесший все тяготы войны, участник

кровавопролитных боев за Сталинград, окончивший войну на территории Австрии, архимандрит Кирилл всем советовал постоянно читать Евангелие, говоря, что через чтение Евангелия укрепляются вера и добрая воля, просвещаются ум и сердце. Он знал об этом из собственного опыта.

Значение этого духовного делания открылось Ивану Павлову — будущему архимандриту Кириллу — еще в годы войны, в разрушенном Сталинграде. Отец Кирилл рассказывал об этом так: «После освобождения Сталинграда нашу часть оставили нести караульную службу в городе. Здесь не было ни одного целого дома. Был апрель, уже пригревало солнце. Однажды среди развалин дома я поднял из мусора книгу. Стал читать ее и почувствовал что-то такое родное, милое для души. Это было Евангелие. Я нашел для себя такое сокровище, такое утешение! Собрал я все листочки вместе — книга разбитая была. И оставалось то Евангелие со мною все время. До этого такое смущение было: почему война,

почему воюем? Много непонятного было, потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь. А когда стал читать Евангелие, у меня просто глаза прозрели на все окружающее, на все события. Такой мне бальзам на душу оно давало. Я шел с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся. Дошел до Австрии. Господь помогал и утешал. А после войны привел меня в семинарию. Возникло желание учиться чему-то духовному...»

Отец Кирилл вспоминал о духовном подъеме последних лет войны: «Когда стали открывать храмы, такой

был подъем в народе. Народ шел в храмы. И я сам был очевидцем этого <...> После Сталинградской битвы, когда мы прибыли в тамбовские леса на отдых, в один воскресный день я пошел в Тамбов. Там только что открыли единственный храм. Собор весь был голый, одни стены... Народу — битком. Я был в военной форме, в шинели. Священник, отец Иоанн, который стал впоследствии Калининским епископом Иннокентием, такую проникновенную проповедь произнес, что все, сколько было в храме народа, — навзрыд плакали. Это был сплошной вопль... Стоишь, и тебя захватывает невольно, настолько трогательные слова

произносил священник. Конечно, такой вопль, молитва простой верующей души до Бога дошла! Я в это верю на все 100 процентов! И Господь помогал...».

В октябре 1945 года Ивана Дмитриевича демобилизовали. Он поселился у сестры Анны Дмитриевны в Бирюлеве, и она ему посоветовала съездить в кафедральный Богоявленский Елоховский собор. Там ему ответили, что в Новодевичьем монастыре как раз открыли Богословские курсы. А так как первый набор уже закончился, батюшка поступил на них в 1946 году.

Отец Кирилл рассказывал: «Помню, ректор, отец Сергей Савинский, радушно встретил меня и дал программу испытаний. И я с большим воодушевлением начал готовиться. Вырос в крестьянской семье,

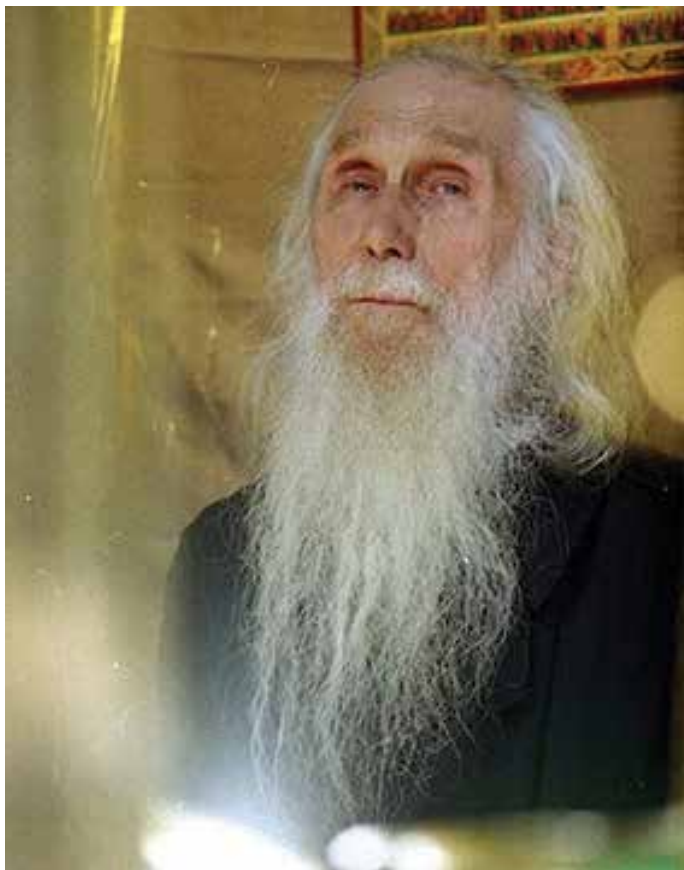
родители были верующие. Но с 12 лет я жил в неверующей среде, у брата, и растерял свою духовность. Господь дал мне такую энергию, такое желание! На экзамене дали мне наизусть читать 50-й псалом... Затем сочинение было на евангельскую тему. А я Евангелие хорошо знал. На «пять» написал сочинение. И мне прислали извещение, что я принят... И все мы, кто там тогда был: кто, как и я, с фронта пришел, кто с угольных шахт — были испытанные жизнью... Считаю, что наше неверие, наше невежество, наше незнание Бога, а также нарушение нравственных законов не могут оставаться безнаказанными. Мы не ведаем, что Господь промышляет не только о каждом человеке, а вообще обо всей стране. Поэтому и война была. И это не без попущения Божия.

Если и волос с нашей головы не упадет без воли Божией, то тем более — война. Это попущение Божие за нашу безнравственность, за

наше безбожие, отступление. Господь попустил, чтобы это пресечь».

Сохранив в одних боях, Господь призвал Ивана Павлова на новое поле брани: в 1954 году после окончания Московской духовной академии он принял монашеский постриг с именем Кирилл в честь преподобного Кирилла Белозерского, чья память — как особый знак — приходится как раз на 22 июня — день начала Великой Отечественной войны, а потом и сан иеромонаха. И началось его полувекое пастырское служение. Все эти годы отец Кирилл нес послушания в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, был ее казначеем и духовником, исповедовал

Патриархов Алексия I (Симанского), Пимена (Извекова), Алексия II (Ридигера).

Братия, объединяемая любовью батюшки, собиралась в его келии на каждодневном правиле, некоторые иноки искали очищения сердца в откровении старцу своих помыслов. Отец Кирилл слушал исповедников почти всегда молча, говорил одно-два слова, но эти слова и оказывались самыми действенными и перевешивали множество наставлений, потому что они были подкреплены сострадательной молитвой.

Достигнуть такой близости к Богу батюшке удалось благодаря присущим ему добродетелям кротости и смирения. Отец Кирилл очень любил размышлять о кротости. Однаж-

ды он высказал мысль, что нас, верующих, отличает от неверующих людей именно кротость — расположение духа, близкое к благоговейной осторожности, когда мы стараемся никого не раздражать и ни на кого не раздражаться. Эти добродетели позволяли ему всегда сохранять мирное устроение духа, а исходящая из его сердца любовь оказывала удивительное умиротворяющее действие на других.

«Жизнь свою предоставьте воле Божией. Верьте: Господу лучше нашего знать, когда Ему призреть на нас, а когда и отворотить от нас пречистое лице Свое. И что бы ни случилось в жизни — почаще взывайте: Упование мое — Отец, Прибежище мое — Сын, Покров мой — Дух Святой, Троице

Святая, слава Тебе!»

Если сравнивать нашу душу со струнным инструментом, то можно сказать, что Господь открывал отцу Кириллу, какую струну души подтянуть или ослабить, чтобы она обрела гармонию и умиротворение. Душа человека раскрывалась перед его жертвенной любовью. Батюшка обладал глубокой проникающей способностью. Никогда не оказывал давления на собеседника, чутко воспринимая и переживая чужую боль. Если приходилось вразумлять кого-то, он делал это тактично, стараясь не обидеть.

По поводу чтения Евангелия отец Кирилл говорил, что оно приближает к Господу, и Господь посылает читающему и исполняющему прочитанное Свою благодать. Батюшка знал наизусть целые главы Евангелия, он говорил, что если бы у него было время, то «читал бы и читал» Евангелие.

«Самое главное — читать Евангелие. Через

это чтение будет укрепляться вера и добрая воля, будут просвещаться ум и сердце». Но читать — слыша, как призывает диакон на богослужении: «И о сподобиться нам слышанию Святаго Евангелия Господа Бога молим». Слыша и откликаясь самой жизнью, — чтобы слово Евангелия стало той закваской, которая, по слову Спасителя, пережидает всю нашу жизнь.

Отец Кирилл представился 20 февраля 2017 года в возрасте 97 лет после продолжительной тяжелой болезни. Мало кто знал о бессонных ночах, о мучительных болезнях и болях, которые ему приходилось переносить — давали себя знать фронтовые раны и застуженные легкие.

«Если мы будем жить, подвигая Бога на милость, Бог продлит нам мирное время. А если будем жить так, как сейчас живем и собираем гнев Божий, — то ждите войн и бедствий».

Архимандрит Наум, в миру – Николай Александрович Байбородин, (1927-2017) родился 19 декабря 1927 года, в праздник святителя Николая Чудотворца, в с. Мало-Ирменка Ордынского района Новосибирской области в семье крестьянина Александра Ефимовича и Пелагеи Максимовны Байбородины. В воскресенье, 25 декабря того же года, был крещен в Сергиевском храме родного села. Вскоре родители переехали в г. Советская Гавань Приморского края, где мальчик посещал школу. Но в связи с начавшимися военными действиями в стране Николай, закончив 9-й класс, вынужден был прервать учебу.

В октябре 1944 года Николай Байбородин был призван в ряды Советской Армии и проходил срочную службу в авиатехнических частях: сначала в авиационной радиотехнической школе г. Фрунзе,

затем переведен в г. Ригу (Латвия), служил в воинских частях № 49722 (г. Калининград) и № 53972 (г. Шяуляй), обеспечивал техобслуживание аэродромов. Участвовал в войне с фашистской Германией и Японией. Впоследствии был награжден медалью «За победу над Германией» и медалью «30 лет Советской Армии». В ноябре 1952 года демобилизовался в звании старшего сержанта. По окончании службы перед демобилизацией Николай Байбородин был награжден памятной фотографией у знамени части, что являлось высоким поощрением военнослужащего. Вернувшись домой, Николай закончил прерванное обучение, обучаясь в 1952–1953 годах в вечерней средней школе № 26 ст. Пишпек (г. Фрунзе) Туркестано-Сибирской железной дороги Киргизской ССР, и в том же году поступил на физико-математический

факультет Киргизского государственного университета (сейчас – КГТУ им. И. Раззакова).

В 1957 году он поступил в Московскую духовную семинарию. 14 октября того же года, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, Николай Александрович был принят послушником в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. 14 августа 1958 года в Троицком соборе Лавры наместник обители архимандрит Пимен (Хмелевский) совершил постриг послушника Николая в монашество с именем Наум в честь преподобного Наума Троицкого, ученика преподобного Сергия (память – 19

июля). Спустя два месяца, 8 октября того же года, на праздник преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца, в Сергиевской церкви Троице-Сергиевой Лавры (Трапезном храме) митрополитом Новосибирским и Барнаульским Нестором (Анисимовым) монах Наум (Байбородин) был хиротонисан во иеродиакона. Ровно через год 8 октября 1959 года, в Успенском соборе Лавры митрополит Одесский и Херсонский Борис (Вик) рукоположил иеродиакона Наума в сан иеромонаха. В 1960 году отец Наум успешно окончил семинарию по первому разряду. 25 апреля 1970 года рек-

Курсант Николай Байбородин с мамой Пелагеей Максимовной, будущей Схимонахиней Сергией (Байбородиной)

Курсант авиационной школы

тором Московской духовной академии и семинарии архиепископом Дмитровским Филаретом иеромонах Наум возведен во игумены. В 1979 году ко дню Святой Пасхи игумен Наум был возведен в сан архимандрита.

Архимандрит Наум был преданным и самоотверженным служителем Церкви, все свои силы отдававшим трудам во славу Божию. В течение многих десятилетий он ежедневно после братского молебна принимал богомольцев для исповеди и духовного наставления. Поток народа к батюшке не иссякал: люди приезжали к нему со всех краев России и других стран, и отец Наум, не щадя себя, принимал их, преодолевая недуги и болезни. По самым сложным вопросам батюшка находил слово назидания и утешения в святоотеческом духе. Его неустанное молитвенное делание и ревность к служению являлись высоким примером для монастырской братии.

У отца Наума был дар воспитания монашествующих: сколько игуменов и игумений, сколько епископов он взрастил для Матери-Церкви. Наставлял в Иисусовой молитве: «Пятисот-

ница, – говорил, – была постоянным деланием иноков, а мы что же не берем на вооружение это элементарное монашеское правило? Что бы ты ни делал – в пути ли ты или на послушании, – всегда и всюду твори Иисусову молитву. Не беседуй, – предостерегал, – с диаволом в помыслах! А для этого займи свой ум молитвой, иначе «праздный ум – седалище диавола», – приводил он слова преподобного Исаака Сирина, писания которого для многих и открыл.

Молиться Иисусовой молитвой наставлял и в храме во время службы, ибо именем Христовым, говорил, и постигаются тайны богослужения. «Всегда, – вооружал, – четки должны быть в руках». Это напоминание: у монаха нет «свободного времени» – всё оно отдано Богу в молитве. Потому-то и на послушания, сколь бы они тяжелыми или быстросменяемыми ни были, наставлял не роптать, так как главное, куда бы тебя ни поставили, – твоя молитва.

Это всё так бы и осталось красивой теорией, если бы старец сам не воплощал ее в жизнь, и его пример собственно и был

самым действенным средством в деле воспитания воинов Христовых. Каждый день неопустительно батюшка благословлял читать Евангелие. Сам мог еще до начала братского молебна, который в Свято-Троицкой Сергиевой лавре в 05.30 утра начинается, успеть несколько глав прочесть. Когда люди дожидались встречи с отцом Наумом в очереди, то читали главу за главой Евангелие, останавливаясь лишь для молитвы о том, чтобы Бог открыл через батюшку Свою святую волю. Кто-то из чад подсчитал: отцу Науму, когда Господь его призвал, было 89 лет – ровно столько глав во всех четырех Евангелиях. Он и стремился, чтобы вся его жизнь стала Евангелием, – такую верность воплощенному Слову и завещал своим чадам.

По его благословию и молитвам было открыто более 40 монастырей и восстановлено и построено множество храмов. Духовные дети отца Наума возглавляют многие епархии и монастыри от Волжских берегов до Камчатки. Отец Наум был духовным отцом нынешнего главы

Приамурской митрополии - митрополита Хабаровского и Приамурского Артемия.

- Я приехал в Троице-Сергиеву лавру будучи невоцерковленным человеком по благословению своей мамы, которая видела мои терзания, мое духовное неустройство на тот момент. В лавре было очень много народу, негде было ночевать: мы даже спали под деревцами или прямо в храмах. Я помню, что ночевал и в стогу сена. Именно здесь я встретил отца Наума, и какой-то духовный магнит меня потянул к этому человеку, - рассказал владыка Артемий.

- Главной силой в на-

ставничестве отца Наума был его личный пример. Он дал нам живой образ монаха. Он не советовал ничего, чтобы не делал сам. Это касалось и общей уставной жизни в монастыре, и внутренней, молитвенной. Многие отмечают, что за время нахождения в Лавре отец Наум никогда не пропускал утреннего братского правила. Даже уже будучи немощным он продолжал следовать своему многолетнему обычаю. При возгласе на начало молебна в Троицком соборе он уже стоял в своей стасидии, напротив раки с мощами преподобного Сергия. В Лавре старца можно было встретить

всегда в полном монашеском облачении, и всё в его поведении было образом монашеского устройства: как он разговаривал с монашествующими, как с мирскими, как он молчал, даже то, как он вкушал пищу, — все было примером сдержанности, умеренности, строгости. Для многих один только пример его жизни остался в памяти как образец, к которому следует стремиться

Человек здесь не живет, а готовится к жизни; для него здесь школа благочестия,

Церковь для него — мать родная, которая породила его для жизни вечной. Здесь мы принимаем Таинства Христовы, здесь мы показываем перед Богом свое сыновство...

Будем искать святости — и тогда Господь пошлет нам усыновление, покров Свой, и тогда не страшно ничего будет. И по всеобщему Воскресению поставит нас Господь по правую сторону. Изменится наша природа, и будем там, подобно ангелам, вечно блаженны и радостны. Аминь.

Отец Наум отошел ко Господу 13 октября 2017 года на 90-м году жизни. Такими словами вспоминал его старец Илия (Ноздрин): «Архимандрит Наум — воин духовного фронта, военачальник, он сдерживал своим словом, благословениями и молитвой сильнейший натиск врага на нашу страну и вообще на человека как создание Божие».

Отец Наум и игумен Артемий (Снигур)

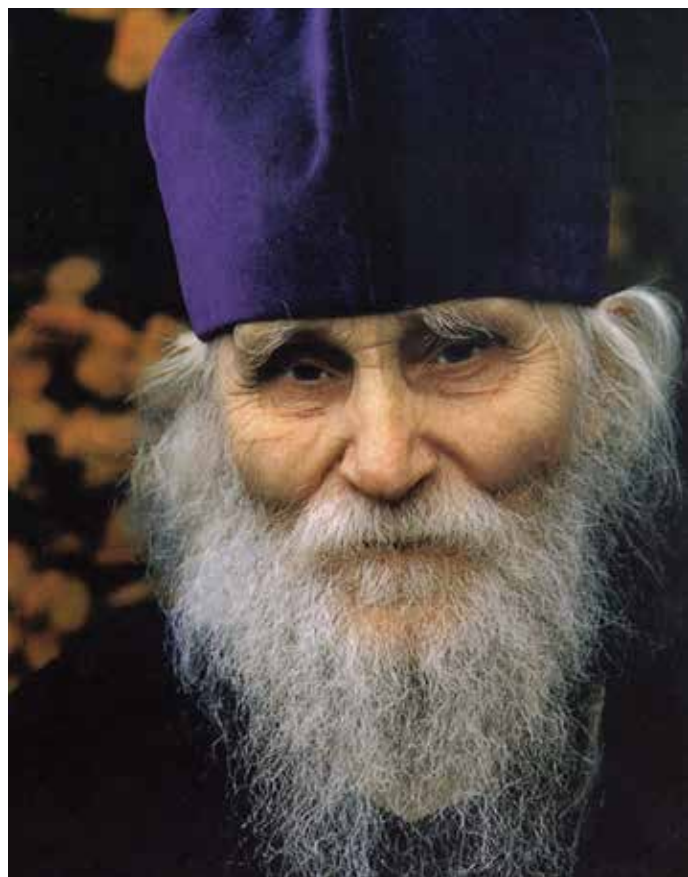
Протоиерей Николай Алексеевич Гурьянов родился в селе Чудские Заходцы Санкт-Петербургской губернии, 24 мая 1909 года. Его отец, Алексей Иванович, служил регентом церковного хора. Мать, Екатерина Стефановна, благочестивая женщина, исполняла обязанности по дому, помогала мужу в воспитании детей. После его смерти в 1914 году вся тяжесть ответственности за семью легла на её плечи.

Николай с детства воспитывался в рамках христианских традиций. Он с радостью прислуживал в церкви села Кобылье Городище, приучался к молитве, любил слушать церковное пение. Время от времени, когда местные богомольцы собирались в паломничество по святым местам, Николая брали с собой. Будучи отроком, он сподобился побывать на острове Талабск. Годы спустя это место стало для него местом подвижничества. Около 1920 года настоя-

тель церкви, в которой прислуживал Николай, взял его в город Псков. Их путь лежал по глади озера. На острове Талабск сделали остановку и посетили тамошнего прозорливца Михаила. Прозорливец, встретив гостей, подал пастырю маленькую, а Николаю большую просфору.

По достижении более зрелого возраста Николай поступил в педагогический техникум в Гатчине. По выпуске из техникума продолжил образование в Ленинградском педагогическом институте. Николай отличался волевым характером. В 1929 году, движимый ревностью о Господе и душевным порывом, он публично и резко высказал негодование против закрытия одного из городских храмов. Это мужественное выступление, противоречащее идеологии и политике партии, продвигавшейся в направлении коммунизма, вызвало недовольство, и институтское руководство исключило Н. Гурьянова из числа студентов. Какое-то время Николай преподавал физику, математику, биологию в школе города Тосно, служил псаломщиком в церкви села Ремда.

Развёрнутые безбожной властью гонения на христиан не

прошли его стороной. В мае 1930 года он попал под жернова государственной репрессивной машины: Николая обвинили в контрреволюционной деятельности и выслали на два года с территории РСФСР. Прибыв в УССР, в село Сидоровичи, он вновь проявил свою религиозную активность — устроился псаломщиком. Вскоре нашлись «неравнодушные» люди, которые сообщили «куда следует», что Николай Алексеевич ведёт нездоровую агитационную деятельность, развращает людей рассказами о Боге, вербует молодежь в церковный хор. Эти сигналы не остались без внимания. В марте 1931 года Н. Гурьянова взяли под стражу по «делу кулаков». В ходе разбирательства выяс-

нилось, что обвиняемый Гурьянов никакого имущества не имеет, а имеет лишь ревматизм. Да и сам обвиняемый своей вины не признал. Между тем имущественный вопрос и не был приоритетным, ведь дело касалось антисоветской пропаганды. В августе 1931 года Николая приговорили к ссылке на три года в Северный край, так он попал в Сыктывкар.

Условия содержания заключенных были чудовищны. В Заполярье Николай оказался среди тех, кто прокладывал железную дорогу. Годы спустя батюшка вспоминал ту ночь, когда ему пришлось долгие часы стоять в воде и в ледяном крошеве вместе с другими заключенными. Бесконечной показалась эта ночь страданий. Поддержи-

вала его молитва. А наутро пришедшие охранные обнаружили, что он оказался единственным, кто остался жив.

По одним сведениям он был освобожден в 1937 году, а по другим — в 1942-м. После освобождения Николай Алексеевич, как не имеющий права жить в Ленинграде, был выслан за пределы города. Какой-то период он работал школьным учителем в Тосненском районе.

Во время Великой Отечественной войны Н. Гурьянов, ввиду болезни ног, не был мобилизован в армию. В период фашистской оккупации его принудительно отправили в Прибалтику. В феврале 1942 года начался его священнический путь: митрополит Виленский Сергей посвятил его в сан диакона, а несколькими днями позже — в сан священника. В 1942 году он прошёл обучение на богословских курсах в городе Вильнюсе. Затем какое-то время служил в Рижской женской Троице-Сергиевой обители, после чего — в Виленском Свято-Духовом монастыре.

С июля 1943 года отец Николай исполнял обязанности настоятеля храма святителя Николая, располагавшегося в селе Гегоброгсты. По воспоминаниям современников, прихожане относились к нему с большим уважением; сам же пастырь относился к ним с большой добротой, приветливо-

Благословение о.Николая

стью и отзывчивостью. Отмечают, что несмотря на бедность прихода, он отличался благоустроенностью. Как ни трудно было найти средства, необходимые для ремонта и содержания храма, помощью Божьей храм был благолепным.

В период с 1949 по 1951 год отец Николай обучался заочно в Ленинградской духовной семинарии. Окончив её, он продолжил образование в Ленинградской духовной академии, но проучился только один год. В 1956 году отец Н. Гурьянов удостоился сана протоиерея.

В 1958 году, по рас-

поряжению церковного начальства, он был переведён на служение в Псковскую епархию, где батюшку определили настоятелем в храм святителя Николая, располагавшийся на территории рыбацкого острова Талабск в Псковском озере, том самом, где когда-то прозорливец вручил ему большую просфору. На этом острове батюшка провёл несколько десятилетий своей жизни.

Отец Николай поселился на окраине острова в крохотном домике, вместе с матерью, Екатериной Стефановной. Братья подвижника погибли на фронте и он,

как мог, сглаживал материнское горе, а она, чем могла, помогала любимому сыну.

Поначалу отец Николай вызывал подозрения у неверующей части островитян, но со временем люди увидели в нём ревностного и смиренного Божьего угодника. Служил он один, сам пёк просфоры, сам ремонтировал церковь. Случалось, что он священнодействовал в пустом храме. Было трудно, а однажды, когда его мучили сильные переживания, маленький ребёнок, словно бы вникнув в сознание умудрённого мужа, попросил его не уезжать. Отец Николай воспринял эти слова как глас Божий и ободрился.

Наряду с исполнением пастырских обязанностей батюшка старался облагораживать остров, сажал саженцы, заботливо их поливал, таская из озера десятки ведер воды. Нередко, даже и без приглашения, он посещал дома тех, кто нуждался в его пастырском утешении, слове и благословении. Бывало, что отец Николай присматривал за стариками, нянчился с детьми прихожан. Всё это не могло не отразиться на людях. Когда одна из жительниц написала на батюшку клеветнический донос, местные рыбаки, вернувшись с лова, вопреки обычаю не положили ей рыбы. Так они выразили и своё отношение к пастырю, и свое отношение к ошарашенной их поведением доносчице.

Со временем едва различимый на географической карте остров Талабск стали негласно именовать островом Православия. Слава об отце Николае и его деятельности распространилась далеко за окрестности Псковской земли. Помимо ревности и усердия Бог наградил батюшку даром прозорливости. Рассказывают, что иногда старец сообщал даже и о судьбе пропавших без вести людей.

В семидесятые годы к батюшке стали стекаться десятки верующих из разных уголков необъятной страны. Бывало, что из-за большого наплыва посетителей он не мог найти себе и минутки на отдых. Правда, принимал он не всех. Иногда он мог позволить себе строгий вопрос: «Зачем ты приехал (приехала)?». В числе духовных чад отца Николая были миряне, монахи, священники.

24 августа 2002 года отец Николай Гурьянов почил о Господе. Смерть застала его на месте его подвигов, острове Талабск. Старец Николай Гурьянов советовал: «Будьте всегда радостны и в самые тяжелые дни вашей жизни не забывайте благодарить Бога: благодарное сердце ни в чем не нуждается».

«Не огорчайтесь за посещение неприятностей: это спутники жизни в наших оздоровлениях».

«Верующий человек, он должен любвеобильно относиться ко всему, что его окружает. Любвеобильно!»

«Человек рожден для того, чтобы беседовать с Богом».

«Надо жалеть неверующих людей и всегда молиться: “Господи, избави их от этого вражеского помрачения”».

«Ведь это мы сейчас в гостях, а потом все пойдем домой. Но только, мои драгоценные, горе будет нам дома, если мы в гостях были да что-то нехорошее делали».

«Жить так, словно ты завтра умрешь».

«Идите и делайте добро. Всякая любовь покрывает множество грехов».

Стихотворения старца Николая Гурьянова:

Господи, помилуй, Господи, прости...

Господи, помилуй, Господи, прости.
Помоги мне, Боже, крест свой донести.
Ты прошёл с любовью Свой тернистый путь,
Ты нёс Крест безмолвно, надрывая грудь.
И, за нас распятый, много Ты терпел,
За врагов молился, за друзей скорбел.
Я же слаб душою, телом также слаб,
И страстей греховных я преступный раб.
Я — великий грешник на земном пути,
Я ропщу, я плачусь... Господи! Прости.
Помоги мне, Боже! Дай мне крепость сил,
Чтоб свои я страсти в сердце погасил...
Помоги мне, Боже! щедрою рукой,
Ниспошли терпенье, радость и покой.
Грешник я великий на земном пути...
Господи, помилуй. Господи, прости!

Молитва «Господи, помилуй»

Из всех молитв, какие знаю,
Пою в душе иль вслух читаю,
Какою дышит дивной силой
Молитва «Господи, помилуй».
Одно прошение в ней, не много!
Прошу лишь милости у Бога,

Чтоб спас меня Своею силой,
Взываю: «Господи, помилуй».
Плыву в житейском бурном море,
Встречаю радости и горе;
От бурь какой спасался силой?
Молитвой «Господи, помилуй».
И горе таяло, и радость
Мне приносила вдвое сладость,
И все то было дивной силой
Молитвы «Господи, помилуй».
Когда лились от горя слезы
Иль страстные смущали грезы,
Тогда с особой сердца силой
Твердил я: «Господи, помилуй».
Уж близок я к последней грани,
Но все ж горячими слезами,
Хотя с увядшей тела силой
Молюсь я: «Господи, помилуй».
Душа, окончив жизнь земную,
Молитву эту, не иную,
Тверди и там ты, за могилой,
С надеждой: «Господи, помилуй».

Светлая дорога

Жизни светлая дорога
Вьется лентой пред тобой.
Помни, друг мой, сердцем Бога
И люби Его душой.
Будь с почтеньем прямодушен
Перед каждым из людей:
Будь родителям послушен,
Послушанье — перл детей.
Не жалея делиться хлебом
С каждым бедным, с сиротой,
И покров Царицы Неба
Будет вечно над тобой.

Отец Николай Гурьянов у своего домика на острове Залита

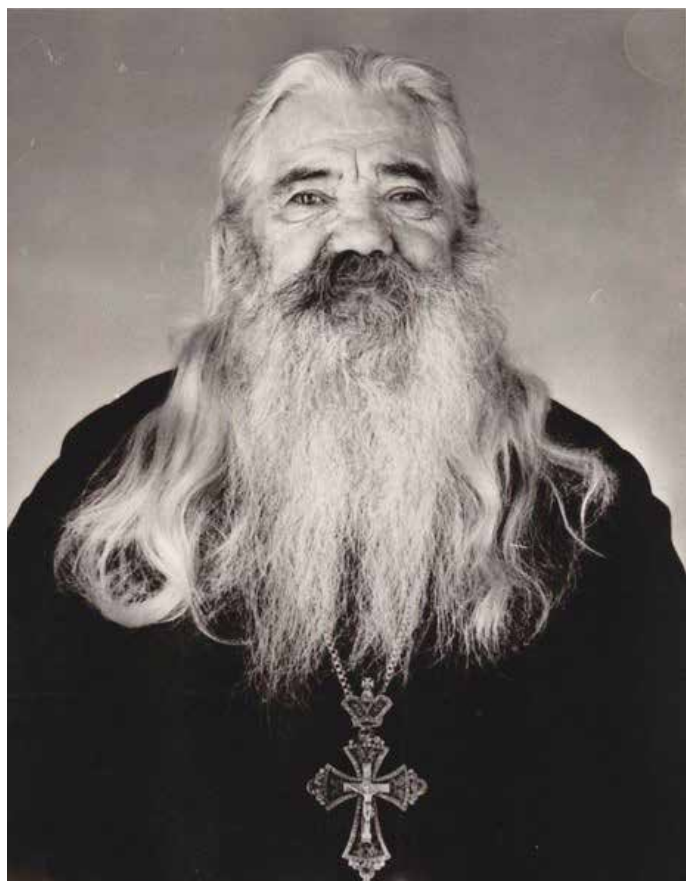
Архимандрит Павел (Груздев) – великий старец Русской Православной Церкви. С детских лет он жил в монастыре, служил Богу и Церкви, много лет провёл в ссылках и лагерях как исповедник Православной веры. Стяжал множество даров Святого Духа: прозорливость, духовное рассуждение, пламенную веру, горячую молитву и любовь Христову. Автобиографические рассказы отца Павла о тяготах жизни и воспоминания его духовных чад поражают и явно свидетельствуют: «Бог был, есть и будет» во все времена. А еще они говорят о том, что святыми не рождаются, а становятся, принимая с терпением и благодарностью все, что посылает Господь.

Павел Груздев родился в бедной крестьянской семье 16 августа 1911 года близ города Мологи в Ярославской области России. В миру будущий монах носил то же имя. Детей в семье воспитывали в Православной вере и благочестии. Сестры его отца ушли

в местный Афанасьевский монастырь. Когда в Первую мировую войну отца забрали на фронт, мать отправила Павлика собирать милостыню. Он в безнадёжности пришел к своим теткам. Родственники пожалели его и упростили игуменью оставить мальчика в обители. Отрок сначала пас скот, учился трудиться и молиться по-монашески, а потом стал прислуживать в алтаре. К 18-ти годам он уже выполнял всю тяжелую работу в монастыре.

Когда в обители го-стил патриарх Тихон, он благословил Павла носить подрясник и надел на него скуфью и ремень, напутствуя на монашество. Эти дары патриарха старец хранил всю жизнь.

В январе 1930 года в обители, с этого момента закрытой властями, отслужили последнюю Литургию. Судьба повела Павла в Хутынский монастырь под Новгородом. Там он пел и читал на клиросе, звонил в колокола и ухаживал за ракой с мощами прп. Варлаама. Там же, по

благословению будущего патриарха Алексия I, Павла постригли в инок. Но уже через 4 года и эту обитель закрыли, пришлось покинуть и ее. Павлу разрешили взять с собой икону прп. Варлаама. С этим святым у инок были особые отношения, позже он ему дерзновенно молился в лагерях: «Преподобне отче Варлааме! Я у тебя четыре года жил, угодник Божий! Я твою раку, около мощей-то, всегда обтирал! Помоги мне, отче Варлааме, и мои грехи-то оботри, омой твоими молитвами к Господу нашему, Спасителю Иисусу Христу!»

Покинув Новгород, Павел вернулся на родину и трудился на государственной селекционной станции. А в 1938 году они с отцом разобрали избу и пе-

реправили ее по реке в Тутаев. Там он продолжил прислуживать в храме, за что вскоре был арестован властями. Павла обвиняли в том, что он «размножал для группы антисоветские стихотворения, хранил у себя частицы мощей, несколько сот печатных изображений святых и при помощи этого проводил антисоветскую агитацию...». Его быстро выпустили, не найдя достаточных оснований. Но в 1941 году арестовали снова как «социально опасный элемент». На допросах отца Павла избивали и слепили глаза ярким светом, после чего он стал терять зрение. Следовательно принуждал его признать, что Бога нет, но Павел выстоял. За это он лишился почти всех зубов.

После допросов ино-

Отец Павел в молодости с семьей

Заклученный Павел Груздев (лагерная фотография из личного дела)

ка Павла отправили на шесть лет в лагерь под Вяткой. Там он работал на обслуживании железнодорожной ветки, по которой вывозили древесину, и имел пропуск на свободный выход в лес. Его и других этот пропуск не раз спасал от голодной смерти, ведь лес — это ягоды, грибы и травы. С юных лет он хорошо разбирался в лекарственных травах и в лагере лечил и подкармливал ими умирающих от истощения заключенных. За трудолюбие, доброту и любовь ко всем охранники концлагеря прозвали Павла «святошей».

Как-то в первую суровую зиму уголовники оставили Павла без хлебного пайка, и он с надеждой отправился в лес. «Смотрю — поляна. Снега нет, ни одной снежинки. И стоят белые грибы рядами. Развел костер, грибы на палку сырую нанизал, обжаривал и ел, и наелся», — рассказывал он о милости Божией.

Был и другой удивительный случай, после которого отец Павел мог ходить босиком и

в лютый мороз. На одной из работ он пилил с заключенными дрова. Когда случался перекур, инок убегал в сторонку помолиться. Когда его заметили за молитвой, решили наказать. Сняли сапоги и привязали к дереву по колено в снегу. Так он простоял, пока снег под ногами до земли не растаял. После его освободили, и он даже не заболел. «С тех пор у меня ноги и не зябнут. Я бы мог ходить все время босиком, но не хочу народ смущать», — говорил батюшка.

Какими бы ни оказывались суровыми условия жизни, домой инок Павел писал утешительные письма, в которых были и такие строки: «Не все пить сладкое, надо попробовать и горького, но горького пока что я не видел».

Как-то будущий старец спас жизнь заключенному немцу, который повесился из-за того, что на его посту поезд переехал двух лошадей. Отец Павел вынул его из петли и по молитвам к Богу вернул к жизни. А потом еще

заступался перед начальством, так что парня не расстреляли. С тех пор каждое утро немец приносил батюшке часть от своего хлебного пайка.

Но, пожалуй, самое удивительное старец рассказывал о том, как заключенные Вятлага служили Литургию. Когда удавалось договориться с начальником по пропускам, «лагерная епархия» из двух епископов, нескольких архимандритов, игуменов, иеромонахов и простых монахов выходила в лес на поляну. После совершения последней Литургии в пень, служивший престолом, ударила молния, чтобы он не подвергся осквернению. А на месте пня оказалась воронка с чистой водой. Охранник, видевший это, в страхе воскликнул: «Ну, вы все здесь святые!»

В 1947 году отца Павла освободили, и он вернулся в Тутаев. Но

в 1949 году его вновь посадили «за старые преступления» и отправили в ссылку в Казахстан. Окончательное освобождение инок получил только в 1954 году.

После лагерей отец Павел вернулся в родные места и поселился близ Свято-Введенского Толгского монастыря Ярославской епархии. В те годы осталось мало тех, кто знал церковную службу, умел хорошо петь и читать, так что местный владыка три года готовил документы и наставлял отца Павла, чтобы рукоположить его в священники. Когда в марте 1958 года это наконец произошло, «вся церковь плакала. Из нищеты... Арестант ведь!.. Не мог и я удержаться — плакал...», — вспоминал батюшка. А еще через три года отец Павел был пострижен в монашество и стал иеромонахом.

В Ярославской области отец Павел прослу-

жил 40 лет. С годами батюшка видел все хуже, а потом и вовсе ослеп, но до последнего дня у него не было дьякона или другого помощника в служении. Теряя физическое зрение, старец все острее видел духовными очами. Молитва батюшки на богослужении производила удивительное ощущение, все присутствовавшие словно на крыльях летали. По рассказам свидетелей, иногда после совершения таинства Причастия отец Павел обращался к Господу по-простому, как к Отцу: «Господи, помо-

ги там Сережке, что-то с семьей...». Прямо у престола, во время молитвы всех по памяти перечислял: и этому помоги, и этому...».

Отец Павел не утруждал людей высокими богословскими наставлениями, он учил вере и любви Христовой просто: притчами, жизненными историями и собственным примером. К нему ездили толпами и привозили подарки, но себе он ничего не брал, все раздавал, угощал гостей. Даже грачам картошку варил. Единственное, что собирал у себя в

и выкручивал», — рассказывали его духовные чада. И батюшка действительно лечил и души, и плоть. Приехала к нему как-то раба Божия Валентина с дочкой. У самой рука после операции перестала сгибаться, так как нерв был задет, а у дочки пропало зрение из-за осложнений гриппа. Батюшка накормил их хорошенько, побеседовал, руку Валентины в своих ладонях крепко подержал. А выйдя из кельи, мать и дочка поняли, что исцелились. Умел он лечить и самые сложные кожные заболевания специальной мазью, с молитвами к Богородице.

Из случаев прозорливости протоиерей Сергей вспоминал, как однажды батюшка попросил его забрать у одной прихожанки иконы, которые хранились у нее после разорения местного монастыря. И вскоре после этого в доме у женщины побывали воры. А однажды к батюшке пришел человек за благословением на рукоположение, но не получил его, потому что старец увидел: «Если его посвятят, то его ждет участь Иуды».

Еще был такой случай: как-то в сельской бане отец Павел познакомился с молодым человеком, который был не крещен, и решил его прямо там и окрестить. На другой день парень внезапно умер. Он часто повторял: «Спасибо тюрьме!», потому что она научила его жить и развила в нем качества настоящего христианина.

Почил архимандрит Павел на отдание праздника Рождества Христова 13 января 1996 года. Похоронили его на Леонтьевском кладбище города Тутаева. Перед своей кончиной он говорил: «Я вас всех там еще лучше буду видеть». И действительно, батюшка и сейчас помогает притекающим к его могилке — кому чудесной помощью, кому исцелением.

келье отец Павел — книги. Он имел образование всего в два класса церковно-приходской школы, но был чрезвычайно начитан и мог поддержать разговор с любым человеком, поражая остротой ума и мудростью. При этом старец всегда отзывался о себе как о худом, бедном и необразованном священнике.

Протоиерей Владимир Воробьев, его духовное чадо, рассказывал, что кто бы ни приезжал к старцу, простой мирянин или высокий священнический чин, «обращался батюшка ко всем в высшей степени просто:

«Колька!.. Сережка!.. Володька!». И это действовало на людей замечательно, я бы сказал — отрезвляюще». Так с первых минут рядом с отцом Павлом каждый чувствовал себя простым человеком пред Богом и при этом словно бы самым дорогим другом отца Павла.

Обладал батюшка и удивительными дарами прозорливости и исцеления скорбящей души через простую беседу. «Едешь к нему — такие глыбы в душе везешь... А обратно уезжаешь — как на крылышках! А он... после исповеди приходил — рубашку с себя снимал мокрую

Архимандрит Ипполит (Халин) (1928–2002) – настоятель Рыльского Свято-Николаевского мужского монастыря Курской области. Его называли афонским старцем, за духовным советом к нему, в обитель маленького провинциального русского городка, приезжали со всех концов России. Он был утешителем и помощником всем, кто испытывал скорби и страдал от тяжелых физических и душевных недугов. Отец Ипполит привел к вере множество людей, для тех, кто искал духовной жизни, он был мудрым и терпеливым наставником. Его духовные чада пополнили ряды священства и монашества, в которых так нуждалась возрождающаяся от безумия атеизма Россия.

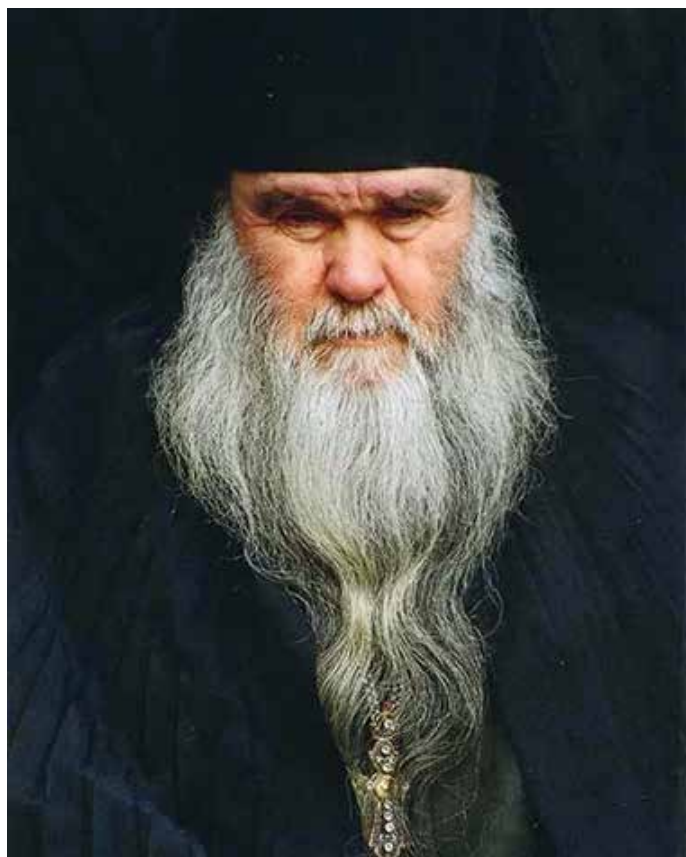
Архимандрит Ипполит родился 18 апреля 1928 года в селе Субботино Курской области в семье простых крестьян – Ивана Константиновича и Евдокии Николаевны Халиных. У них было 8 детей: 4 мальчика и 4 девочки. Сергей, так звали отца Ипполита в миру, был самым младшим. Все его братья погибли на фронте, и на него, еще отрока, легла нелегкая ноша тяжелой деревенской работы. С детства Сергей был верующим, тем более что в роду Халиных были и священники, и монахи, а его родной дядя священник Михаил служил в церкви соседнего села. Родственники вспоминают, что когда

Сергей был еще юным, у него под кроватью лежал чемодан с книгами духовного содержания, и он постоянно их перечитывал, особенно Библию, хотя, видимо, внешне ничем не выдавал своей веры в Бога.

Отец Ипполит позже вспоминал: «Бывало, еще в армии, когда все лягут спать, укроешься одеялом и читаешь «Отче наш»... А вообще я любил наблюдать за священниками несмотря на то, что все вокруг подсмеивались над ними, а молодые ребята пели частушки про попов. Я же внутренне хотел стать священником». Несмотря на трудное время Сергей сумел закончить 10 классов средней школы, поучиться в ФЗО на литейщика, а после закончил педучилище.

Отслужив три года в армии, он еще какое-то время работал в миру и в 1957 году в возрасте 29 лет ушел послушником в Глинскую пустынь. Родители его не были против, они фактически благословили его, сказав: «Сынок, мы уже прожили жизнь, а ты выбирай свой путь, как тебе нравится».

Братья отца Ипполита погибли на фронте, будучи неженатыми, но благочестивые родители не стали настаивать, чтобы их младший сын создал семью и тем самым продолжил род. Отец Ипполит потом шутил: «Никто замуж за меня не пошел, и пришлось идти в монастырь».

В Глинской пустыни Сергей становится духовным чадом знаменитого старца схиархимандрита Андроника (Лукаша), на которого, как говорят, батюшка был похож характером. Старца Андроника называли «печальником душ человеческих». Про него писали, что смирение и кротость безраздельно царили у него в душе, что был он послушлив и любвеобилен. Эти-то качества своего старца, видимо, и взял в пример к под-

ражанию послушник Сергей, они-то потом и проявились особо в период общественного служения старца Ипполита. В книге «Глинская пустынь и ее старцы» есть небольшой рассказ о том, как отец Андроник своей молитвой исцелил от крупозного воспаления легких послушника Сергея Халина.

В этой обители Сергей жил в одной келье с молодым послушником Иваном Масловым, который впоследствии стал известным старцем и богословом схиархимандритом Иоанном. Очень больным и слабым был Ваня Маслов, и его друг Сергей Халин ухаживал за ним, как медбрат, делал ему примочки, ставил компрессы.

Неполный год пробыл послушник Сергей в Глинской пустыни.

В ноябре 1957 год он поступает в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, где митрополит Псковский Иоанн (Разумов) постригает его сначала в монахи, а затем рукополагает в иеродиакон, а в 1960 году – в иеромонахи. И там Господь не оставил батюшку без благодатного окормления. В Печорах у него началось тесное духовное общение с тремя великими старцами. Это иеросхимонах Симеон (Желнин), причисленный в 2003 году к лику святых, и последние валаамские старцы, жившие в то время в Печорах: иеросхимонах Михаил (Питкевич) и схимонах Николай (Монахов). С любовью и большой благодарностью вспоминал потом батюшка об этих старцах. Особенно об отце Михаиле, у которого он какое-то время был келейником. «Смотри, Сережа, не будь петушком, а будь курочкой», – учил смирению старец своего келейника. По словам отца Ипполита, со старцем Михаилом они были духовно очень близки и друг у друга исповедовались. И, видимо, многому научился будущий старец Ипполит у Печерских подвижников. «Я на всю жизнь запомнил этого скромного, тихого, смиренного монаха», – вспоминал об отце Ипполите недавно почивший московский батюшка, настоятель храма свт. Николая в Кленниках протоиерей Александр Куликов. Отец Александр, бу-

дучи совсем еще молодым священником, приезжал в Печоры и останавливался в келье иеромонаха Ипполита.

В 1966 году из Псково-Печерской обители иеромонаха Ипполита посылают на Афон, в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, в котором к тому времени оскудевала монашеская жизнь, и оставалось всего около десяти насельников. Он попал в число первых пяти монахов, которых отправили туда после того, как безбожное советское государство разрешило Русской Православной Церкви посылать на Афон монахов из Советского Союза. Схиархимандрит Илий, который приехал на Святую

Гору через десять лет после приезда батюшки Ипполита, рассказывал: «Они, эти пять монахов, просто спасли положение, потому что русских насельников там оставалось мало, и монастырь уже мог перейти к грекам. Но сначала к ним отнеслись с недоверием, если не сказать, враждебно и называли их там «красными попами».

Но эти пять отцов и приехавшие после них из СССР другие монахи, видимо, заслужили доверие афонской братии жизнью и трудами в Свято-Пантелеимоновом монастыре. Отец Ипполит подвизался на Афоне 18 лет, неся послушание казначея и эконома, как и преподобный старец Силуан,

в келье которого, как предполагают, он жил. Очень трудно было вести хозяйство, ведь в советское время власти запрещали помогать монастырю. И по воспоминаниям архимандрита Авеля (Македоннова), который около четырех лет был настоятелем Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, они иногда с отцом Ипполитом сидели и горевали, думая, как накормить завтра братию, как сделать ремонтные работы, как существовать. Но милостью Божией монастырь существовал, молитва творилась, и проблемы потихонечку решались. Кроме должности эконома отцу Ипполиту было доверено быть представителем от монастыря в Священном Киноте Святой Горы Афон. Нынешний духовник Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне иеромонах Макарий рассказывал, что встречался с греками из Священного Кинота, которые до сих пор помнят отца Ипполита как очень смиренного и усердного монаха. А схиархимандрит Илий, вспоминая афонский период своей жизни, рассказывал о батюшке Ипполите как о благодатном, добром, ласковом брате во Христе, большом молитвеннике. Жил отец Ипполит в той же келье, где ранее подвизался и молился старец Силуан Афонский.

«Нигде так не причащают, как у нас православных христиан Плотию и Кровью Хри-

Аланский Свято-Успенский мужской монастырь

Памятник архимандриту Ипполиту на территории дворцово-паркового ансамбля «Марьино» работы народного художника России, скульптора В.М. Клыкова.

стовой. Наше причастие — это великое чудо. Все причащаются из одной Чаши, и никто не заболевает. Это свидетельство того, что в Чаше содержится нечто непостижимое для разума. А ведь стоят в храме болящие, и страшно болящие. Случается, ведь, и в больницах люди заражаются, а у нас такого не бывает никогда, потому что это Кровь Христова. Это великая тайна.

В 1984 году батюшка сильно заболел и поехал лечиться в Россию. Так он здесь и остался. Некоторое время служил в сельских храмах Курской епархии, затем по благословению архиепископа Иувеналия (Тарасова) возглавил братию возрождающегося Рыльского Свято-Николаевского мужского монастыря. На плечи уже немолодого и не отличавшегося крепким здоровьем монаха легла тяжелая ноша — восстановление и обустройство старинной обители, сплочение и воспитание братии,

организация хозяйственной деятельности, окормление множества паломников. Отец Ипполит непрестанно молился о вверенной ему братии, о паломниках, о всех, кто прибегал к его помощи. Он создал на Рыльской земле несколько скитов, в которых поселились небольшие монашеские общины. Женский скит в Большегнеушево со временем получил статус монастыря в честь иконы Божией Матери «Казанской». При его содействии в Северной Осетии открылся Аланский Свято-Успенский мужской монастырь.

Старец обладал удивительным даром любви и утешения. Еще его отличала необычайная кротость и простота. Православный бард Евгений Фокин вспоминал о батюшке: «Его простота была такая, что другим он быть и не мог». Но все свои духовные дарования старец усердно скрывал. Многие даже недоумевали, почему к отцу Ипполиту едут

нескончаемым потоком люди. Внешне он не производил какого-то особо яркого впечатления, распознать духовного старца в нем было практически невозможно. Поэтому те, кто ехал в монастырь в ожидании каких-то чудес или пророчеств, были разочарованы.

Внутренний подвиг отца Ипполита от нас скрыт, но плоды его были очевидны всем. Батюшка часто любил повторять евангельские слова: «Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е» (Мф. 11: 12). Точно так, говорил он, нужно себя вначале понуждать и на молитву, а потом человек уже сам не сможет без нее жить, будет спешить на правило, «как на свидание». На вопрос, как нужно молиться, старец отвечал: «С нежностью».

Самым главным качеством батюшки было глубокое, неподдельное смирение. Как-то незадолго до смерти он обмолвился одному из паломников: «Сорок лет я низко кланялся каждому человеку». Он никогда строго не обличал никого из приходящих, мог это сделать только мягко, иносказательно, например через какую-нибудь песню или стих. Батюшке несвойственно было заставлять кого-либо или настаивать; наоборот, он всегда как будто уговаривал человека, даже если точно знал, как тому лучше будет поступить. Возможно, поэтому архимандрит Кирилл (Павлов) однажды

заочно назвал отца Ипполита «самым добрым батюшкой на земле».

«Когда чада не видят с юных лет хорошего примера, они вырастают беззаконниками»

Тяжелые молитвенные труды и заботы о восстановлении обители подорвали здоровье отца Ипполита. В последние годы своей жизни он тяжело болел, 17 декабря 2002 года Господь призвал к Себе Своего верного воина и труженика на ниве духовной. Похороны состоялись в день памяти святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, к которому сам отец Ипполит постоянно обращался в молитвах и своих чад благословлял молиться во всех нуждах, скорбях и печалях. Множество народа провожало батюшку в последний земной путь. Его похоронили возле алтаря им восстановленного Николаевского храма — главного собора обители. На могиле отца Ипполита, где установлен бронзовый крест на гранитном постаменте, горит неугасимая лампада, всегда лежат свежие цветы. Православные не забывают своего утешителя и любящего батюшку. На территории дворцово-паркового ансамбля «Марьино» установлен и освящен памятник архимандриту Ипполиту работы народного художника России, скульптора В.М. Клыкова. Но главный памятник подвижнику воздвигнут народной благодарностью и любовью.

Епископ Хабаровский Пантелеимон, в миру Георгий Петрович Максунов, родился 25 мая 1872 в Иркутской губернии, в крестьянской семье. Георгий окончил Иркутское промышленно-техническое училище, но светской стезе предпочёл служение Богу и вскоре поступил послушником в недавно открытый Ново-Валаамский Свято-Троицкий Николаевский монастырь в Южно-Уссурийском крае, близ станции Шмаковка. Там же в 1897 году он принял монашеский постриг с именем Пантелеимон.

История Шмаковского монастыря, ставшего для будущего святителя местом духовного рождения, берёт начало в 1895 г. Его основателями были три подвижника: иеромонах Алексей (Осколков), приехавший со Святой Горы Афон, и воспитанники Валаама иеромонахи Сергей (Озеров) и Герман (Богданов). Таким образом, новая обитель соединила в себе две великие традиции монашеского делания — афонскую и валаамскую.

Устав обители был строго общежительным, повторявшим устав Валаамского монастыря. Были туда перенесены с Афона и Валаама и традиции старчества и умной молитвы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже вскоре молодая обитель стала подлинным духовным центром всего Дальнего Востока. За двадцать лет Уссурийский мона-

стырь настолько вырос и окреп, что на Поместном Соборе Российской Церкви в 1917-1918 гг. даже решался вопрос о присвоении ему статуса Лавры, но революционные события помешали принятию этого решения.

Монах Пантелеимон (Максунов) стал одним из первых насельников обители и достойным учеником своих духовных наставников — отцов-основателей монастыря Алексея, Сергея и Германа. Его преуспевание в иноческом делании не осталось сокрытым от окружающих. И в 1900 году епископом Владивостокским и Камчатским Евсеем (Никольским) отец Пантелеимон был рукоположен в иеромонаха, а через какое-то время братия Шмаковской обители избрала иеромонаха Пантелеимона своим духовником, и это служение он исполнял двадцать лет до самого разорения монастыря.

Иеромонах Пантелеимон, по его собственным словам, «принимал скорби, печали и недоумения» насельников и паломников. Также он вел постоянную духовную переписку со многими православными дальневосточниками, подобно Оптиным Старцам или святителю Феофану Затворнику, через письма окормляя людей, нуждавшихся во вразумлении, назидании и утешении.

Но вот наступило советское лихолетье. После окончательного закрытия Уссурийского Свято-Троицкого Ни-

колаевской обители в 1924 году, его настоятель архимандрит Сергей (Озеров) вместе с частью братии переехал в Иркутск, родной город отца Пантелеимона. Иркутск на некоторое время стал притягательным центром для многих иноков,

изгнанных большевиками из своих обителей, поскольку в нём ещё оставался действующим Вознесенский монастырь. Среди уссурийских монахов, вынуждено перебравшихся туда вслед за отцом Сергием, был и иеромонах Пантелеимон (Мак-

сунов). Спустя какое-то время он, уже в сане игумена, стал настоятелем Благовещенской церкви в городе, где прошли его детство и юность.

Вскоре архимандрит Сергей покинул Иркутск, поселился в Ростове Великом и служил в приходском храме. Там его посещали ближайшие сподвижники и ученики, среди которых был и игумен Пантелеимон. По свидетельству лиц, близких архимандриту Сергию, митрополит Сергей (Страгородский), Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, вызвал его в Москву для назначения на архиерейскую кафедру, но отец Сергей, по старости лет и по смирению, отклонил почётное предложение и назвал вместо себя другого достойного кандидата во епископы – 56-летнего игумена Пантелеимона (Максунова).

Наречение и хиротония отца Пантелеимона во епископа Владивостокского и Камчатского состоялась в том же 1928 году. Во Владивостоке владыка Пантелеимон прослужил недолго. В том же 1928 году он вынуждено переводится на Хабаровскую кафедру с титулом епископ Хабаровский, викарий Благовещенской епархии. Приехав в Хабаровск, святитель поселился в доме №5 «А» по улице Запарина. Служение он совершал в Свято-Алексеевском кафедральном соборе на Пожарной площади (ныне на его месте расположено здание Штаба ПВО, на углу улиц Ленина и Волочаевской, и установлен памятный знак о храме и служении в нем епископа Пантелеимона). Храм этот, после захвата обновленцами Градо-Хабаровского Успенского собора, на долгие годы стал центром Православия для всего Приамурья. Одним из иподиаконов владыки и псаломщиком хабаровского кафедрального собора служил в то время послушник Шмаковского монастыря Андрей Перестюк, бывший пре-

жде келейником архимандрита Сергия, а впоследствии ставший архиепископом Свердловским и Курганским Климентом (+1986 г.).

В Хабаровской епархии святителю пришлось столкнуться с набравшим большую силу обновленческим расколом. В те годы здесь число приходов и духовенства тихоновской и обновленческой ориентаций было почти равным, с некоторым преобладанием тихоновцев. Усугублялась ситуация тем, что советская власть активно использовала и обновленцев, и григориан для своей борьбы с истиной Церковью.

Сохранилось письмо, написанное владыкой Пантелеимоном православной общине города Николаевска-на-Амуре, где архипастырь предостерегает свою паству: «Есть слухи, что к вам в Николаевск отправился некий лже-священник, посланный от бывших когда-то православными, а теперь отступивших от нашей святой и божественной веры, и называющих себя живистами или обновленцами. Цель его поездки - попытаться обольстить людей право-

славных и увести их за собою в заблуждения... поэтому считаю благовременным напомнить Вам слова Господни сказанных предостережение: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». (...) Чтоб вам еще больше было понятно, как нужно спастись такого рода отступников, прилагаю поучение Великого угодника Божиего св. Иоанна Златоуста, который находит, что производить разделения в Церкви, как это сделали живисты-обновленцы и другие им подобные, - не меньшее зло, как впадать в ереси, от чего да сохранит всех нас Господь».

Также владыке Пантелеимону выпал жребий управлять Хабаровской епархией во время обострения безбожных гонений на Церковь и усиления антирелигиозной пропаганды. Именно при нём в 1930 году богоборцами был закрыт и разрушен Градо-Хабаровский Успенский собор, а в 1931 г. было отнято у верующих здание Иннокентиевского храма.

Не миновала чаша гонений и его самого. 10 июня 1931 года владыка был арестован по обви-

нению в контрреволюционной деятельности вместе с большой группой священнослужителей и верующих - членами «Тихоновского духовенства и монашества Дальневосточного края». Как следует из обвинительного заключения, предъявленного проходящим по делу, их контрреволюционная деятельность заключалась в том, что «под руководством и всемерном поощрении Хабаровского епископа Пантелеимона (Максунова) и Владивостокского епископа Варсонофия (Лузина) они под прикрытием религиозных объединений занимались организацией помощи контрреволюционерам, заключенным в лагерях ОГПУ, Домзаках и ссылках, вели антисоветскую агитацию как в проповедях, так и в частных разговорах с населением, распространяли контрреволюционную литературу и листовки».

Владыка не скрывал правду о своем служении милосердия во время следствия, заявляя, что считает себя обязанным к такому делу по долгу христианской совести. Владыка подчеркивал на допросах, что его помощь узникам не носила организованный характер, что было запрещено советским законом. Этим владыка заботился о сохранении легальной церковной жизни в условиях нарастающего давления со стороны государства, понимая, что, нарушая государственный закон, он ставит под угрозу существование Церкви. Но то, что являлось проявлением его любви и жертвенности, в конце концов, было оценено как преступление...

Занимая кафедру в условиях гонений, когда открытая проповедь была мало возможна, епископ Пантелеимон осуществлял свою пастырскую деятельность во многом через переписку. Наверное, невозможно лучше увидеть глубину его доброго, исполненного верой, любовью и сострадания христианского сердца, чем через его духовные

письма и поэзию. Своей прозой и стихотворениями в письмах и посланиях владыка давал обремененным скорбями и бедами людям успокоение, умиротворение и примирение. Сохранилось письмо-стихотворение, отправленное им одному из священников, сидящему в тюрьме.

15 февраля 1932 г. тройкой при ПП ОГПУ Дальневосточного края обвиняемые, в том числе владыка Пантелеимон, были приговорены к различным срокам заключения. Владыка был осужден на 5 лет ИТЛ и отправлен в Мариинские лагеря в Кемеровской области. Как оказалось, это был последний земной путь епископа, потому что последовавшие тяготы лагерной жизни смертельно подорвали его здоровье.

Скончался владыка Пантелеимон 11 февраля 1933 в заточении, в тюрьме города Мариинска. Незадолго до его кончины в Мариинск приехал его келейник иеродиакон Евсений и просил тюремное начальство освободить из заключения умирающего святителя, но не был услышан. Когда владыка Пантелеимон отошёл ко Господу, отец Евсений снова обратился с ходатайством выдать ему тело умершего епископа, однако и эта просьба была отвергнута. Владыка был похоронен в безвестной могиле,

но память о добром пастыре живет до сих пор, став примером для тысяч верующих в Господа нашего Иисуса Христа.

СТРАДАЮЩЕМУ БРАТУ

Христос... к Нему иди с надеждой,
К Нему с любовью и тоской,
К Нему с слезами и сомненьем,
К Нему всем сердцем, всей душой...

Страдаешь телом ты и духом,
Хотел ты жить, о не ропщи.
Взгляни, как страшны эти раны,
Как льется кровь. И ты терпи.

Избит, поруган и осмеян,
К позорной смерти присужден.
За падших чад Он муки принял,
Ты язвою Его спасён.

Смотри: на Нем венец терновый,
Шипы в чело Его впились.
Копьем солдата прободенный
Он принял смерть, - чтоб мы спаслись.

Молись и плачь... И Он молился,
—Кровавый пот с лица бежал...
Зови Его, зови Он близок,
Он никого не отгонял...

И мир, отраду и забвенье
Подает страдающей душе,
И светлый луч рассеет тучи
— Христос с тобою и в тебе.

(1931 г., Хабаровск).

Тернистый путь земной жизни будущей хабаровской схимонахини Серафимы (Марусовой) начался 21 февраля 1924 года в селе Медвежье, близ станции Калач Воронежской области. В многодетной семье крестьян-тружеников Козыренко Евдокия была последним — десятым — ребенком. На заре коллективизации семья Козыренко попала под раскулачивание — отца Андрея Стефановича увезли «за кордон», больше о его судьбе ничего не известно, вскоре явились за матерью Татьяной Яковлевной, которую сослали на каторгу на Дальний Восток в глухую деревушку под названием Дедбиран, что располагалась по Амуру в районе Циммермановки. Дети, лишившись родителей, выживали, как могли. В 1929 году пятилетняя Евдокия играла с куклой, сидя на топчане в землянке. Вдруг кукла упала, и девочка наклонилась за ней, в этот момент в окно землянки залетела пуля — как раз на то место, где только что сидела девочка, — не причинив ей никакого вреда.

Первый раз Евдокия пришла в школу опухшая от голода и со вшами. Ей сказали: «Ты девочка смышленная, но со вшами мы тебя не возьмем». На этом обучение мирским наукам закончилось, и началась трудовая жизнь няньки, пастишки, разнорабочей... Евдокии пришлось претерпеть поругание от старших братьев и род-

ных, ее колотили, она всех боялась, плакала и очень мечтала найти свою маму, о судьбе которой много лет ничего не было известно. В возрасте 15 лет Евдокия с одним из братьев поехала на поиски матери на Дальний Восток. С огромными трудностями, без денег и документов, почти два года добирались они из центра России на ее окраину. На приисках, где работала мать, дети застали ее живой, но ненадолго — через год, 5 марта 1943 года, мама умерла от каторжного труда и болезней на руках у Евдокии. Сама Евдокия, подобно Апостолам Христовым, в это время трудилась на заготовке рыбы, ловлей которой в военное время занимались женщины, укладывая ее в большие горы, готовя к транспортировке на Большую землю. Этот скорбный период жизни будущей схимницы стал знаменателен для ее последующей жизни. Именно здесь, в дальневосточной глуши, незнакомый старичок — заготовитель дров — подарил Евдокии первое в ее жизни Евангелие в черном кожаном переплете. Это Евангелие матушка Серафима хранила и изучала всю свою жизнь.

Здесь, в Дедбиране, Евдокия познакомилась с забойщиком-шахтером, своим будущим мужем, Андреем Порфирьевичем Марусовым, с которым прожила в законном браке 52 года и воспитала в вере и любви к Богу пятерых

дочерей. Своими руками вместе с мужем они построили небольшой дом на улице Нагорной в Индустриальном поселке Хабаровска. Сюда к Евдокии приходили ее духовные подруги послушать Евангелие и разъяснения на него. С 38 лет и до конца своей жизни Евдокия вычитывала по одному евангелисту в день. Не наученная мирским знаниям, матушка постигала знания духовной жизни, трудилась не покладая рук на благо семьи, близких, помогала в благоустройстве придела в честь святителя Иннокентия Иркутского в храме Рождества Христова, прихожанкой которого была не один десяток лет. Для мира сего она была чужой, не имела ни паспорта, ни прописки, ни пособий и пенсии, но, не имея ничего, она обладала всем.

Впоследствии ее ду-

ховником стал известный старец архимандрит Кирилл (Павлов). О высоких духовных дарах схимонахини Серафимы свидетельствует тот факт, что, когда дальневосточные священнослужители обращались за духовным советом к архимандриту Кириллу (Павлову), он отвечал: «Что вы ко мне ездите? У вас есть Серафима. Аз у нее сам благословение беру».

Господь наделил Евдокию дарами рассуждения, прозорливости, а также даром молитвы, способной облегчать страдания людей. К ней потянулись прихожане и священнослужители. Беседы проходили в атмосфере духовной радости. Однажды, перебирая монашеские четки, матушка Серафима образно пояснила вопрошавшим, что же такое четки и для чего они: «Люди — это ниточки, собранные в узел

– Голгофу, на которой стоит Крест – основа и свидетельство Спасения и Жизни Вечной, а замкнутые в цепочку узелки-четки – это жизнь человеческая, которая возможна только через Крест и Голгофу».

Особо чтимыми для схимонахини Серафимы были иконы Божией Матери «Знамение» и «Умиление», любимыми святыми – преподобный Сергей Радонежский и его святые родители схимонахи Кирилл и Мария, преподобный Серафим Саровский, святители Митрофан Воронежский и Тихон Задонский, святитель Николай Чудотворец. Частицы мощей этих святых хранились у матушки и несказанно благоухали. Особое благоговение матушка испытывала к святому царю Николаю II.

24 февраля 1999 года в храме святого благоверного князя Александра Невского епископ Хабаровский и Приамурский Марк совершил постриг монахини Евдокии в великую схиму с именем Серафима – «пламенная».

– Это человек, который прошел через тяжелые жизненные потрясения, не менее глубокой веры, – вспоминает протоиерей Сергей Мещеряков. – Господь наградил ее прозорливостью. Много знала, понимала,

видела, и, главное, – успокаивала. Придет человек взволнованный, чувствуется, что готов руки опустить. Минуты разговора хватало, чтобы она успокоила, дала тебе надежду. Куда ты идешь, говорит? Мы под Богом, Господь нам дал жизнь, у нас одна дорога, Он зовет нас, вот иди этой дорожкой, чем бы ты ни занимался, не теряй ее.

В постсоветское время схимонахиня Серафима (Марусова) была первой и до настоящего времени остается единственной схимонахиней в Хабаровской епархии. Схима – это высшая степень монашества.

– В то время как раз в девяносто восьмом году я работала в храме Александра Невского, – рассказывает матушка настоятеля храма св. Александра Невского Наталья Диденко, – Какое-то время я и не знала, что тут матушка живёт. А тут как-то в окошечко смотрю: возле храма ходит бабушка. Она еще не была схимницей. И к ней приходили люди. Это меня так заинтересовало. Надо же. В какой-то момент я её увидела, и мысль такая пришла: вот люди ходят, что-то спрашивают её, интересуются. А мне и спросить нечего. В монастырь я не иду. Ну, обычно зачем спрашивают. Такое было

мнение новоначальное мое в храме. А потом матушка сама подошла ко мне. Мы разговаривали первый раз довольно долго. Много, что было сказано лично для меня, что меня в тот момент удивило. Я не буду говорить, потому, что это – очень личное. А потом мне вот этот разговор в жизни очень помог.

Схимонахиня Серафима скончалась 30 октября 1999 года, причастившись Тела и Крови Христовых. После ее смерти благоухали посох, четки и облачения матушки. И сейчас

люди продолжают приезжать к ее могилке, которая расположена во дворе хабаровского храма святого Александра Невского. Перед ней горит лампадка. Жила матушка в домике, где сейчас находится трапезная.

– Я воспринимаю ее так, что она здесь, с нами, – продолжает вспоминать Наталья Диденко. – Я здороваюсь с ней. Пробегаю мимо, говорю: «Матушка, с праздниками!». Она хотела быть с Богом, и, я уверена, сейчас она с Ним.

Могила матушки Серафимы во дворе Храма Святого Преподобного князя Александра Невского в Хабаровске